

Сергей Казанов

НАЧАЛА СШИВАНИЯ · КНИГА ПЕРВАЯ · 2029 – 2038

КТО ПОДПИСЫВАЕТ

Риск низкий. Принять.

14.11.2029. Партия 4417, фланцы, 84 шт.

Измерила сама три штуки:

219,4 / 219,3 / 219,5

В допуске.

Инженер входного контроля

(подпись)

(расшифровка подписи)

(дата)

Начала сшивания

Сергей Казанов

Кто подписывает

«Автор»

2026

Казанов С. А.

Кто подписывает / С. А. Казанов — «Автор», 2026 — (Начала сшивания)

2029 год. Машина проверяет быстрее и точнее человека, но отвечать за проверку не может. Поэтому под каждым её решением по-прежнему стоит подпись человека, который уже не успевает даже прочитать то, что подписывает. Следователь ищет автора поддельной видеозаписи главы государства, после которой люди кинулись снимать вклады. Диспетчер делит электричество между жилым районом и серверами. Семья вместе с машиной считает, заводить ли второго ребёнка. Чиновник раз в месяц едет за двести километров удостовериться, что последняя жительница деревни жива. Десять рассказов о ближайшем будущем, по одному на каждый год до 2038-го. В конце книги хроника одной семьи до 2100 года и эпилог из 2086-го.

© Казанов С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Партия 4417	5
Серый киловатт	10
Ученик	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Казанов

Кто подписывает

Партия 4417

2029

1

ПОДПИСЬ КОНТРОЛЁРА. ...В начале гладкого времени проверку уже выполняли машины, а подпись человека под ней оставалась обязательной. Современники называли такую подпись страховкой... Тогда же появляется частная запись личного осмотра. Самая ранняя из известных датирована 14 ноября 2029 года...

«Начала шивания». Пособие для готовящихся к допуску, 2131

Селиванову было шестьдесят восемь лет. В отдел входного контроля он пришёл в восемьдесят третьем, сразу после института, и пережил в нём девять начальников. Приходил он всегда за час до смены. Смены на комбинате с позапрошлой зимы были ночные, по дешёвому тарифу. Отдел работал вместе с цехами.

С весны отдел сидел в бытовке: два стола, терминал и стеллаж с инструментом. Большую комнату за стеной перестали отапливать, когда в отделе остались двое, он и Вера Ремезова. Там стояли шкафы с архивом, полки с бумажными журналами за сорок лет и столы, которые так и не вывезли.

Агента поставили в феврале. Акт входного контроля он собирал за четыре минуты: сверял сертификат с реестром, номер плавки с сопроводительными документами, снимки с чертежом, поднимал историю поставщика и выводил оценку риска. Первый месяц Селиванов с ним спорил. Агент не спорил в ответ. Он соглашался, исправлял и благодарил за замечание. К марту Селиванов спорить перестал.

Акты за сутки агент выкладывал к восьми вечера и делил между ними через один. Селиванов читал все, по порядку, с первой строки до последней, по двадцать минут на акт. Чай он заваривал прямо в банке и пакетик не вынимал до утра.

Партия четыре тысячи четыреста семнадцать поступила в половине седьмого вечера. Фланцы воротниковые, сталь 12Х1МФ, поставщик ООО «Северный фланец». Сертификат завода-изготовителя подлинный, проверен по реестру. Номер плавки сходится с сопроводительной документацией. Геометрия снята и выверена по снимкам поставщика, все восемьдесят четыре штуки в допуске, худшая двенадцатая, и та с запасом. История поставщика за одиннадцать лет: две рекламации, обе давние и по другой номенклатуре. Риск низкий. Принять.

Под чертой шли служебные поля. Вера до них обычно не дочитывала. Место хранения: склад № 2, в таре поставщика. Назначение: ремонт паропровода ПП-3, цех № 4. Примечания: спектральный анализ не проводился, оборудование на предприятии отсутствует, марка стали принята по сертификату.

Селиванов снял очки.

2

Вера пришла к десяти и повесила сумку на спинку стула. Ей было двадцать пять, в отделе она работала второй год и была в нём младшей, что при двух сотрудниках особо ничего не значило.

— Четыре тысячи четыреста семнадцать, — сказал Селиванов вместо здравствуйте. — Фланцы. Ждёт твоей подписи.

Она села к терминалу, прочла акт до слова «Принять» и остановилась над полем для подписи.

— Аркадий Петрович. А зачем я?

— В каком смысле.

— Он же всё сделал. И лучше, чем я сделаю. Он не устаёт и не пропустит брак. Зачем здесь нужна я?

Селиванов подул на чай.

— Затем, что он не может отвечать. Отвечать может тот, у кого есть что терять. У тебя квартира и трудовая. Вот ты и отвечаешь.

— Это же не проверка. Это страховка.

— Страховка, — согласился он. — И что?

По коридору кто-то прошёл в сторону лестницы, и Селиванов проводил его глазами.

— Кутепов пошёл, — сказал он. — Из мобилизационного. Днём его никто никогда не видел.

— А ночью он что делает?

— Готовится.

— К чему?

— У него спроси. Мне он говорит, что к проверке.

Вера повернулась обратно к экрану. Поле для подписи никуда не делось.

— Я посчитала, Аркадий Петрович, — сказала она. — С февраля агент собрал три тысячи восьмьсот актов. Вы нашли у него две ошибки, и обе опечатки. А у меня в ручных замерах он за то же время поймал девять, и одну по допуску. Если кто-то здесь и лишний, то я.

— По ошибкам лишняя, — сказал Селиванов. — По подписи нет. Ошибки считают в головной, а подпись смотрят в суде.

— Тогда пусть в суде смотрят на фирму, которая его продала.

— На фирму, — охотно повторил Селиванов. — А договор с ними ты читала?

— Нет.

— А я читал. Пункт восемь, подпункт три. Ответственность исполнителя ограничена абонентской платой за один месяц. Это меньше, чем стоит эта партия. Таких фирм после прошлого года осталось три на всю страну, и договоры у всех трёх одинаковые.

— Тогда пусть подписывает директор. Он агента покупал.

— Директор подписал приказ, по которому подписываешь ты.

Вера засмеялась и сразу перестала.

— Получается, крайняя я.

— Получается. Раньше крайних было больше.

— А если я буду подписывать не глядя? Как все.

— Будешь, — сказал Селиванов. — Месяца через два. Пятнадцать партий за ночь ногами не обойдёшь, а склад в другом корпусе.

— И все будут знать, что я не смотрела. Вы, директор, головная. Кого тогда обманывает эта подпись?

— Никого. Она не для обмана.

— А вы сами подписываете не глядя?

— Я читаю.

— Читать и смотреть не одно и то же.

Селиванов поставил банку на стол.

— Подпись, Вера, это адрес. Больше ничего. Случится что, придут по адресу. Спросят: ты? Ты скажешь: я. И всё.

— Придут, а по адресу человек, который партию в глаза не видел. Что это за адрес?

— Им хватает, — сказал Селиванов.

Подписывать фланцы Вера не стала и открыла следующий акт.

Селиванов надел очки. Остальных актов в ту ночь было четырнадцать: гайки, прокат, электроды, кабель и прочая мелочь. Вера подписывала быстро, Селиванов медленно.

— Кабель опять без реестра, — сказала она. — Третья партия от них за месяц.

— От тех же?

— От тех же.

— Их с прошлой осени нет. Кто-то продаёт остатки под их бумагами.

Вера сказала агенту «отказ, письмо поставщику», получила готовый текст и отправила, не читая. Фланцы так и висели в очереди.

В начале второго она сказала, не отрываясь от экрана:

— Мама звонила. В Ольховке опять три дня света не было.

— Зимой?

— Говорят, линию меняют.

— Её с восьмидесятых меняют, — сказал Селиванов.

— Теперь по-настоящему. Мощность тянут под какой-то завод.

— Под завод поменяют.

Около половины второго в дверь постучали. Вошёл Кутепов, в пиджаке и при галстук.

— Аркадий Петрович, мне нужна справка по мобзапасу, — сказал он. — Крепёж, восьмая секция. Что годен.

— Когда его последний раз смотрели?

Кутепов заглянул в планшет.

— По журналу в двадцать шестом.

— Вот пусть журнал и подписывает.

— Журнал не может, — терпеливо сказал Кутепов. — В девять проверка.

— В семь схожу, посмотрю. Если годен, подпишу.

— В семь секция закрыта. Ключи у меня.

— Значит, в семь с ключами.

Кутепов подумал и кивнул.

— В семь, — сказал он и вышел.

Минут через десять Селиванов посмотрел в угол у окна, где теперь стоял стеллаж, и спросил:

— Ты стилоскоп когда-нибудь видела?

— На картинке, в институте. Спектр в окуляре. А что?

— Потом расскажу.

Без двадцати три Вера встала, сняла со стеллажа штангенциркуль и повернула его к лампе, чтобы прочесть дату поверки на наклейке. Потом надела куртку.

— Ты куда?

— На склад.

— Партию ещё не растарили.

— Значит, растарю.

Она ушла. Под окном шипела батарея.

4

Селиванов ещё раз посмотрел на строчку с назначением и пошёл в большую комнату.

Там он включил одну лампу, над полками. Было холодно. Над головой кто-то ходил.

Журналы стояли по годам, корешками наружу, подписанные от руки. Две тысячи четвёртый занимал два тома. Селиванов взял второй, сел за ближний стол и сразу открыл двадцать восьмое декабря.

28.12.2004. Шпильки М20, ст. 25Х1МФ, 96 шт. Серт. № 1147. Назначение: ремонт паропровода ПП-3, цех № 4. Результаты контроля: стилоскоп, 100 %, соотв. Отметка об использовании: выдано полностью. Селиванов.

Почерк был ровнее, чем теперь.

Двадцать восьмого декабря ПП-3 стоял четвёртые сутки. Главный инженер звонил в отдел трижды за день. Шпильки привезли в половине шестого. Монтажники ждали их к шести и сидели тут же, в коридоре, в робах. Стилоскоп стоял тогда за стеной, в маленькой комнате, где теперь была бытовка, у окна. На девяносто шесть шпилек уходил час.

Сертификат был, с печатью и подписью. Поставщика Селиванов знал девять лет.

Стилоскоп он в тот вечер не включал. Записал результат, расписался и отдал шпильки в цех.

Тридцатого паропровод пустили.

В феврале, ночью, на ПП-3 разошлось фланцевое соединение, третье от задвижки. Рядом работал слесарь Шубин. Полгода он пролежал в ожоговом.

Шпильки с этого соединения отдали на анализ. Сталь оказалась тридцать пятая, без хрома и молибдена. На остальных соединениях марка была правильная.

В марте Селиванов доехал до больницы, постоял в вестибюле и уехал.

Между страницами журнала лежала копия акта комиссии, сложенная вчетверо.

Причины несчастного случая: применение при ремонте паропровода ПП-3 крепежа из стали, не соответствующей проекту (сталь 35 вместо 25Х1МФ). Сертификат поставщика № 1147 признан недостоверным. Партия крепежа с этим сертификатом прошла входной контроль без замечаний (журнал входного контроля, запись от 28.12.2004: стилоскопирование 100 %, несоответствий не выявлено). Крепёж, установленный на соединении № 3, входного контроля не проходил.

Лица, допустившие нарушение требований охраны труда: Лаптев В. С., мастер монтажного участка цеха № 4, допустил установку крепежа, фактически не прошедшего входной контроль, чем нарушил требования ПБ 10-573-03 и должностной инструкции.

Лаптева перевели из мастеров в слесари.

Селиванова вызвали один раз. Спрашивал главный инженер. Он показал журнал и спросил, его ли это подпись. Селиванов сказал, что его. Потом главный инженер спросил, хочет ли он что-нибудь добавить. Селиванов сказал, что нет.

Селиванов сложил акт по старым сгибам, вложил обратно, закрыл журнал и поставил на место, корешком наружу. Потом выключил лампу.

В бытовке было тепло. На терминале мигал вызов из четвёртого цеха.

— Фланцы на ПП-3 где? — спросил мастер. — У меня бригада с шести, паропровод вторые сутки стоит.

— Будут к шести, — сказал Селиванов.

Акт так и висел в очереди.

5

Вера вернулась в половине пятого, с красными от холода руками, и положила штангенциркуль на место.

— Все три в допуске. По диаметру.

— Ну, — сказал Селиванов.

— Ящики у «Северного фланца» заколочены на совесть, гвоздодёр у кладовщицы брала.

А марку штангенциркулем, конечно, не проверишь.

— Не проверишь. Для марки стилоскоп был.

— Был?

— Был. Потом его сменил анализатор, а анализатор в двадцать втором списали, когда кончился сервис.

— Так вот вы про что спрашивали.

— Про это, — сказал Селиванов. — Четвёртый цех звонил. У них бригада с шести.

— А образец отправить на испытания?

— В областную лабораторию. Три недели.

Вера открыла сертификат и ещё раз, сама, сверила номер плавки с реестром. Потом подписала. Партия ушла в производство.

Вера достала из сумки тетрадь в клетку и стала что-то писать. Селиванов встал и заглянул ей через плечо.

14.11.2029. Партия 4417, фланцы, 84 шт. Измерила сама три штуки: 219,4 / 219,3 / 219,5. В допуске. В. Ремезова.

— Это что?

— То, что я видела своими глазами.

— Юридической силы ноль.

— Знаю.

— Времени жалко.

— Знаю.

Селиванов вернулся к себе и открыл месячный отчёт в головную. Сорок две страницы составил агент. Селиванов проверял цифру за цифрой.

— Его же никто читать не будет, — сказала Вера. — Нейрослоп на сорок две страницы.

— В головной его прочтёт их агент и ответит нашему, что всё хорошо, — сказал Селиванов.

Без десяти семь он допил, сполоснул банку, посмотрел на градусник за окном и надел шапку.

— У нас в отделе двенадцать человек было. Давно. — Он постоял в дверях. — Ты продолжай.

У лестницы ждал Кутепов, уже в пальто, с ключами.

— Мороз, — сказал Кутепов. — Может, всё-таки по журналу?

— Минус девятнадцать, — сказал Селиванов. — Пошли.

Серый киловатт

2030

1

ЗАРЕЧЕНСКИЙ РАСЧЁТ. ...распределение мощности по центру питания «Заречная», 2030 год... В 2034 году приобщён к материалам комиссии... Бумажная копия насчитывает 1 840 страниц. За сто лет проверки не осуществлялись... Подпись под расчётом принадлежит диспетчеру очереди И. С. Мезенцеву...

«Начала шивания». Пособие для готовящихся к допуску, 2131

Агент выложил расчёт в семь утра: одна страница сводки и тысяча восемьсот сорок страниц приложений. Сводку Мезенцев прочёл дома, за чаем. Приложения открывать не стал.

У входа в областную сетевую компанию стояли человек двадцать с плакатом «ТЕПЛО ЛЮДЯМ, А НЕ СЕРВЕРАМ». С краю стояла пожилая женщина с толстой папкой под мышкой.

— В десять я у вас, Игорь Сергеевич, — сказала она.

— Я помню, Нина Павловна.

Мезенцев был первым диспетчером очереди на подключение. Должность ввели весной, когда в очереди набралось девять тысяч двести заявок. До этого он двенадцать лет отработал на оперативном щите и переключал ту самую сеть, которую теперь делил.

К центру питания «Заречная», большой подстанции на весь район, второй год нельзя было подключить ни одного нового киловатта. В сентябре туда вернулись двенадцать мегаватт Станкозавода: завод год как стоял, а по новому правилу мощность, которой не пользуются год, отходит сетевой компании. Это были первые свободные мегаватты за два года. Заявок на «Заречную» лежало четыреста пятнадцать, но свободную мощность по регламенту делили не по номерам, а между теми, кто готов подключиться в течение года. Таких нашлось трое. Решение надо было подписать сегодня.

2

Нина Павловна Грачёва двадцать два года заведовала котельной в Заречье, пока котельную не закрыли, а дома не перевели на тепловые насосы. Теперь она возглавляла совет микрорайона и ходила в сетевую компанию так же, как раньше ходила на котельную: к назначенному часу и с цифрами.

Она села и положила папку на стол.

— Здесь подписи, — сказала она. — Тысяча триста двенадцать. Все живые, по квартирам обходила сама.

— Я вам верю.

— Зря. Проверьте. Сейчас всё положено проверять.

Мезенцев открыл папку, посмотрел на первую страницу и закрыл.

— Давайте цифры, Нина Павловна.

— Котельная на пике давала двадцать гигакалорий в час. Насосы на речной воде, которые поставили вместо неё, при минус двадцати пяти хотят девять мегаватт. Подключено четыре. Берём больше, штрафы платим, а в мороз сеть не держит, и нас режут по графику. Мы просим пять. Это арифметика.

— Арифметика такая: свободных мегаватт двенадцать, а просят двадцать пять.

— Двое из троих могут подождать. Мы не можем.

— Комбинат тоже говорит, что не может.

— У комбината своя подстанция с семьдесят четвёртого года и договор на двадцать мегаватт. Пусть поищет у себя.

— Поищу, — сказал Мезенцев. — А вы знаете, сколько тянуть кабель в Заречье? Одиннадцать месяцев, проколом под рекой. Этой зимой вы при любом варианте ничего не получите.

— Знаю. Я про следующую зиму. Подождём, мы привыкли.
— Почему на плакате серверы?
— Потому что серверы не мёрзнут, — сказала Нина Павловна.
— А если я дам вам четыре вместо пяти?
— Тогда при минус двадцати двух опять будет график. Сколько дней, спросите у своей машины. В прошлом году она нам обещала три.
— А было?
— Одиннадцать, — сказала Нина Павловна и встала. — Подписи оставлю. Вдруг пригодятся.

3

Представитель «Энергоплощадки» пришёл в половине двенадцатого. Роман Корнилов оказался моложе, чем звучал по телефону. Он положил на стол тонкую папку и за весь разговор её не открыл.

— Я не отниму у вас много времени, — сказал он. — Вы всё знаете сами. Через неделю после того, как мощность вернулась к вам, мы купили Станкозавод целиком, вместе с подстанцией. Подстанция исправна, ячейки свободны. Нас можно подключить за месяц. Комбинат за семь, Заречье за одиннадцать.

— Вы купили завод за сорок один миллион.

— За сорок один двести. Без мощности он столько и стоит. Два трансформатора на его подстанции стоят дороже. Мы покупали трансформаторы, а завод шёл в придачу.

— И что будет в цехах?

— Вычислительный центр. Двенадцать мегаватт круглый год. С разгрузкой: при минус восемнадцати мы сами сбрасываем половину, и ваш центр питания проходит пик. Ни комбинат, ни Заречье так не умеют. Ваш агент, думаю, это уже посчитал.

— Посчитал. Люди внизу держат плакат против вас.

— Я видел. Хороший плакат. Только серверы тоже греют. Двенадцать мегаватт электричества на выходе почти целиком становятся теплом, и его надо куда-то девать. Мы готовы отдавать его Заречью.

— В мороз вы, по вашим же словам, сбросите половину нагрузки. Тепла станет вдвое меньше как раз тогда, когда оно нужно.

— Зато остальные девять месяцев в году его будет с избытком.

— Трубы до Заречья кто проложит?

— Мы. За два года.

— Это будет в договоре?

— Это будет в пресс-релизе, — сказал Корнилов и в первый раз улыбнулся. — В договор не пустили юристы. Я пробовал.

— А если я вам откажу?

— Откажете, — согласился Корнилов. — Мы не обидимся. Мощность теперь товар, Игорь Сергеевич, как лес или зерно. Новую быстрее чем за пять лет не построишь, значит, ту, что есть, можно только перекладывать из рук в руки. С весны перераспределять её разрешили всем, а раньше только старым абонентам. Кто получил мощность, тот её и продаёт. Мы покупаем.

— Это и называется серым киловаттом.

— Серым киловатт становится, когда его переуступают тайком. У нас всё по тридцать четвёртому пункту правил присоединения: соглашение сторон, уведомление сетевой организации, и отказать вы права не имеете.

— Двенадцать мегаватт вы сегодня у меня не получите.

— Мы и не рассчитываем, — сказал Корнилов и взял папку. — Мы просим двенадцать везде, где освобождается. Где-нибудь дадут.

4

Фомин, главный энергетик комбината, позвонил в двадцать минут второго.

— Игорь Сергеевич, вам наш мобилизационный звонил?

— Трижды.

— Тогда я четвёртый. Восемь мегаватт, новая линия в третьем пролёте. Госзаказ на три года вперёд, работать будем круглосуточно. Двести новых мест, всего у нас станет тысяча девятьсот человек. Почти все жители Заречья работают у нас, между прочим.

— У вас старый договор на двадцать мегаватт.

— И все двадцать мы выбираем каждую ночь, до последнего киловатта. Спасибо вашему тарифу, мы теперь работаем как совы. Днём у нас пусто, ночью не продохнуть.

— По паспорту ваша линия берёт пять с половиной. Зачем восемь?

— С запасом, — сказал Фомин. — Через год вы скажете, что мощности нет. Кто сейчас просит без запаса, тот потом стоит в очереди девятитысячным.

— Девять тысяч двухсотым.

— Тем более.

5

После обеда Мезенцев сел допрашивать агента. Разговор, как положено, писался в журнал.

Из журнала запросов диспетчера очереди. 14:12–14:31

Запрос: Сколько центр питания «Заречная» выдержит в зимний максимум сверх нынешней нагрузки?

Ответ: При минус восемнадцати двенадцать тысяч киловатт. При минус двадцати двух девять тысяч триста. При минус двадцати восьми семь тысяч сто.

Запрос: Объясни три варианта. Без приложений.

Ответ: Вариант первый: «Энергоплощадка» двенадцать тысяч, ниже минус восемнадцати разгрузка до шести. Дополнительных отключений нет. Заречье остаётся при нынешних четырёх тысячах и прошлогоднем графике. Вариант второй: комбинат восемь тысяч, Заречье четыре. Ниже минус двадцати двух ограничивается Заречье, потому что у комбината технологическая броня по госзаказу, то есть мощность, ниже которой его ограничивать нельзя. В среднем шесть суток за зиму. Вариант третий: Заречье пять тысяч, «Энергоплощадка» семь с разгрузкой. Заречье ограничивается только ниже минус двадцати четырёх, в среднем сутки за зиму. В первом и третьем вариантах комбинат новую линию не запускает.

Запрос: Комбинат ты считал по заявке?

Ответ: По паспорту линии: пять тысяч пятьсот. Запас сверх паспорта в нагрузку не включён.

Запрос: Какой вариант ты рекомендуешь?

Ответ: Выбор варианта не входит в мои полномочия. По надёжности центра питания лучший первый. По выручке сетевой компании первый. По занятости второй. По числу жителей без отключений третий.

Запрос: Как ты считал Заречье?

Ответ: По трём тысячам семистам двенадцати профилям нагрузки и сорока одному допущению о погоде. Полное обоснование в приложениях, тысяча восемьсот сорок страниц.

Запрос: Это можно проверить?

Ответ: Можно. Ориентировочное время проверки инженером вашей квалификации четыре месяца.

Запрос: А если инженер умнее меня?

Ответ: Три месяца и две недели.

Запрос: В прошлом году Заречью обещали три дня графика. Было одиннадцать.

Ответ: Прошлогодний расчёт выполнен агентом прежнего поставщика. Поставщик прекратил деятельность, модель недоступна для анализа.

Запрос: В мероприятиях у тебя фидер четырнадцать. Что будет с Ольховкой?

Ответ: Во втором и третьем вариантах ячейка фидера четырнадцать уходит под кабель Заречья, фидер переводится на резервную схему питания. Ожидаемое число отключений посёлка Ольховка от семи до двенадцати в год.

Запрос: Сколько там живёт людей?

Ответ: Сорок три человека по регистрации.

Четырнадцатый фидер Мезенцев помнил по щиту. Фидер шёл вдоль реки, огибал комбинат с востока и кончался в Ольховке, на трансформаторе у бывшей школы.

6

В пять позвонил Бурмистров, начальник управления.

— К шести, — сказал он. — Внизу пикет, наверху губернатор, посередине ты. Подписываешь сам.

— Губернатор за кого?

— Губернатор за то, чтобы не было пикета. Какой вариант?

— Второй. Только комбинат просит восемь, а линия по паспорту берёт пять с половиной. Я бы дал им пять с половиной.

— Урезать заявку права у тебя нет. Регламент знает два слова: удовлетворить или отклонить. Отклонишь госзаказ?

— Нет.

— Тогда восемь. Агент, кстати, по надёжности ставит первый вариант.

— По надёжности первый, по занятости второй. Серверы обещают Заречью тепло в пресс-релизе, а комбинат платит Заречью зарплату по ведомости.

— Вот это и запиши в обоснование, — сказал Бурмистров. — Красиво.

Мезенцев записал короче: сохранение и создание рабочих мест, в том числе для жителей Заречья. Агент принял обоснование и вывел лист для подписи. Мезенцев подписал. Тысяча восемьсот сорок страниц ушли в архив с одной подписью на последней.

Потом он позвонил Нине Павловне.

— Четыре, — сказал он. — Не пять.

— При минус двадцати двух график?

— В среднем шесть суток за зиму. Если верить агенту.

— Значит, будет десять, — сказала она. — Кабель когда начнёте тянуть?

— В ноябре.

— Приду посмотреть.

7

В семнадцать пятьдесят две агент сообщил:

— Поступило соглашение о перераспределении максимальной мощности. Передающая сторона: комбинат, по заявке тридцать дробь сто семнадцать, с даты присоединения. Получатель: ООО «Энергоплощадка». Объём: две тысячи пятьсот киловатт. Центр питания «Заречная». Передача мощности по неисполненной заявке правилами не запрещена. Документы в порядке, основания для отказа отсутствуют. Направить на подпись?

Мезенцев открыл паспорт новой линии комбината. Пять тысяч пятьсот киловатт. Он взял карандаш и на обороте сводки вычел их из восьми тысяч. Получилось две тысячи пятьсот.

— Шесть суток для Заречья ты считал без них? — спросил он.

— Без них. С учётом соглашения Заречье ограничивается в среднем девятнадцать суток за зиму. Основанием для отказа это не является.

Папка Нины Павловны так и лежала на краю стола.

— Направить на подпись? — повторил агент.

— Направляй.

Он подписал. Было без четырёх шесть.

— Очередь по «Заречной» обновлена, — сказал агент. — Четыреста тринадцать заявок. Свободной мощности ноль.

Ученик

2031

1

УЧЕНИКИ ПО КВОТЕ. ...В 2031 году закон обязал предприятия держать при машинах живых учеников... К концу года ученик сдавал аттестацию. Её подписывали трое членов аттестационной комиссии и наставник, наставник последним... Одна такая аттестация в 2034 году была приобщена к материалам комиссии. На её двадцать седьмой странице есть строка, в которой наставник просит членов аттестационной комиссии позвонить, и номер телефона...

«Начала шивания». Пособие для готовящихся к допуску, 2131

Закон о живых учениках приняли в январе, когда выяснилось, что мастеров среднего возраста в стране почти не осталось, а расти в мастера некому. Каждое предприятие с опасным производством обязали держать учеников по квоте. Комбинату досталось четверо: двое в цеха, один к энергетикам и один в отдел входного контроля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.